

ПРАВСТВЕННЫЙ КОДЕКС А. П. ЧЕХОВА

М. СМОЛКИН

Три статьи о Чехове объединены общей задачей — стремлением уточнить своеобразие эстетического идеала писателя. В принципе, для каждого писателя, оно определяется содержанием основного ядра эстетического идеала, вокруг которого объединяются, стягиваются все другие элементы.

Чехов подчеркивал значение ведущей идеи в творчестве писателя. Оригинальность писателя, говорил он, состоит не только в оригинальности стиля, но — и в этом главное — в оригинальности способа мышления.

Как можно определить основное, ведущее начало эстетического идеала Чехова?

Чехов был неутомимым правдоискателем. Поиски правды и смысла жизни определяют сложную простоту его рассказов, их глубокий философский смысл, скрытый в обыденных сюжетах. Чехова невозможно понять без учета того, что все его рассказы, о каких бы «мелочах» жизни он ни писал, проникнуты гуманистической думой о человеке, делающей их, взятые как целое, — эпосом повседневной жизни.

Чехов знал лишь одну правду — конкретную, жизненную, обращенную к человеку; «старшим» в жизни признавал того, кто трудится, страдает и борется за существование. Интересы своего времени, своего народа он сочетал с интересами общечеловеческими.

Пафос творчества Чехова — ненависть ко всему лживому в быту, в политике, в жизни людей и горячее желание видеть мир перестроенным на началах красоты и правды.

Некогда, в юности, он восстал против деспотизма в семейных отношениях, решительно заявив: «Это несправедливо!» Шли годы, были написаны сотни рассказов, ставших художественной летописью жизни обыкновенных людей конца XIX века. Когда были собраны неопровержимые улики, доказывающие спутанность, неразумность общественного строя, Чехов все так же спокойно, просто и веско своими произведениями сказал читающей России: «Это несправедливо!» Мерой справедливости измерял он облик человека и лицо целого общества. Это и был его главный принцип.

Из этики вырастают эстетика и своеобразная художественная социология Чехова. Его социология выступает «в одежде этики», всегда образной; через исследование человека он ведет исследование общества. Отрицание этого своеобразия приводило к ошибочным заключениям относительно «асоциальности», «аполитичности» творчества Чехова, который в действительности не знал других задач, кроме аналитического изучения общества.

Его реалистическая эстетика связана с высокими этическими требованиями правды и справедливости. Создав изящные, тонкие и вдохновляющие произведения, он не ограничился художественным в творчестве, а боролся за красоту в жизни, за соединение правды с красотой. Повсюду он стремился утвердить нравственную красоту — в человеке, в общественных отношениях.

Этическое начало является ядром эстетического идеала Чехова, его центральным и ведущим началом, определяющим все другие стороны творчества писателя. Через этику Чехова, который понимал ее широко, как искусство жить, лучше просматриваются его эстетика, социология, гуманизм, философия творчества в целом.

Возвышенный характер Чехова, этическое начало его жизни, давно отмеченные наукой, пронизывают и его творчество как эстетико-философский принцип, определяющий по своему значению. Речь идет не только об этических категориях и моральных проблемах в произведениях Чехова (разработка их актуальна), но об этике Чехова как самостоятельной проблеме, скрепляющей единство мировоззрения и эстетики.

В этом русле разворачивается тематика трех статей, предлагаемых вниманию. Сначала берется нравственный кодекс Чехова, верность которому он хранил в жизни и в творчестве. От нравственного кодекса делается переход к основным критериям оценки жизни и человека, выработанным писателем, который видел мир и человека в сложных связях, природных и общественных, в единстве социального, духовного и телесного начал. Центральной проблеме всего творчества Чехова — его эстетическому идеалу посвящена третья статья, синтезирующая первые две.

Статьи по необходимости сжаты, их неполноту сознает автор.

1

Нравственным кодексом Чехова принято считать письмо, содержащее советы и наставления брату Н. П. Чехову, написанное в 1886 году. В связи с этим необходимо сделать два уточнения. Время написания письма и время сложения основных чеховских норм поведения не совпадают. Нравственные нормы, добровольно принятые на себя Чеховым, возникли до письма и независимо от него. С этим связано и второе уточнение: письмо к Н. П. Чехову, написанное применительно к особен-

ностям характера и возможностям брата-художника, не вмещает в себя в полном объеме нравственного кодекса Чехова, выраженного в той или иной форме во всех его письмах и произведениях. Вся сложность и многогранность отношений Чехова к людям, его нравственная философия требуют более широких рамок освещения и займут свое место в научной биографии Чехова. В данной статье, в основу которой положено письмо к Н. П. Чехову с привлечением других источников и писем, сделана попытка выяснить лишь основные нравственные принципы и нормы Чехова. Анализу их посвящен первый раздел статьи, во втором говорится о воспитывающем влиянии Чехова на семью и читателей, об отражении нравственного кодекса писателя главным образом в ранних его произведениях.

При рассмотрении нравственного кодекса — основных правил поведения человека, его отношения к обществу и к самому себе — возникает вопрос о степени соотнесенности его с этическим идеалом, с основной целью и смыслом жизни.

Правила, не опирающиеся на идеал, нельзя назвать нравственным кодексом в широком смысле этого слова. Это могут быть профессиональный этический кодекс (врачебный, научный), правила этикета и внешних приличий, правила благоразумия, усвоенные через опыт и традицию и указывающие наиболее легкий путь к достижению практической цели, — универсального и общеобязательного значения, необходимого для этики, они иметь не могут, если не выражают идеальной стороны общественной природы человека, если не говорят о должном через обобщение сущего. Нравственный кодекс указывает норму поведения, по которой судят и об отклонениях от нормы.

В общей оценке нравственной жизни принимаются во внимание четыре объекта: нравственный идеал и основные критерии оценки поведения людей; факты реальной жизни, помогающие или затрудняющие осуществление нравственного идеала; законы, регулирующие моральную жизнь; правила или нормы поведения и осуществления нравственного идеала¹.

Показательно, что Л. Н. Толстой, который начал процесс самовоспитания с определения правил жизни, прежде чем приступить к их осуществлению, задал себе вопрос о смысле бытия. «Какая цель жизни человека? Какая бы ни была точка исхода моего рассуждения, что бы я ни принимал за источник онога, я прихожу всегда к одному заключению: цель жизни человека есть всевозможное спосбствование к всестороннему развитию всего существующего... везде и всегда люди приходили к тому заключению, что цель жизни человека есть всестороннее развитие человечества»². Постоянной целью человека, — записывает

¹ См.: А. М. Шербина. Методология этики. М., 1914.

² Л. Н. Толстой. Полное собр. соч., т. 46, М—Л., 1934, стр. 30—31.

Толстой в своих дневниках,— должно быть счастье ближнего, увеличение суммы добра.

Исходя из общей цели — достижения максимального совершенства человека и человечества, Л. Н. Толстой, занятый личным самоусовершенствованием с 19 лет (первые дневниковые записи на эту тему помечены 1847 годом), делит свои правила на «основные» и «временные», проводя границу между правилами, не зависящими от колебаний времени и условий, и правилами «практическими», составленными на каждый день и заключающими в себе расписание занятий и встреч, распределение времени, список упражнений для физической и волевой тренировки. Между «основными» и «временными» правилами устанавливается взаимосвязь, и значение каждого из них определяется степенью близости его к идеалу, который прослеживается на всем протяжении жизни и творчества Толстого.

Мысль о достоинстве человека определяет первоначальную меру этического идеала Чехова.

В молодости при всем свойственном ему реализме в подходе к жизни Чехов идеализировал человека и видел в нем долю не свойственных отдельному индивиду совершенств. Свою мягкость и снисходительность к людям Чехов в письме к поэту Трефолеву мотивировал прямой ссылкой на гамлетовский монолог о человеке: «...но да вспомнит Ваша великодушная муза Гамлета, который весьма серьезно советует (Полонию) воздавать каждому не по заслугам, а выше заслуг»³.

Все, что писал А. П. Чехов Николаю Чехову о правилах поведения воспитанных людей, исходит из этого всеобъемлющего и возвышенного взгляда на человека, из стремления способствовать его совершенству — и в этом Чехов, не читая юношеских «Дневников» Толстого, сошелся с ним. Их общая особенность: обостренная чуткость к сфере нравственного, непобедимая нравственная высота и чистота, неукротимое стремление к самовоспитанию как необходимому условию воспитания читателей. Есть, впрочем, и существенное различие. Оно — в нравственном максимализме Л. Н. Толстого.

С молодых лет Толстой носил в себе предчувствие своей исключительности, своей богатырской мощи. Во всех его правилах и планах, в его желании освоить науки и искусства в короткий срок, во всех его нормах сквозит желание превзойти норму. Верой в свою исключительность проникнута следующая запись Толстого, сделанная в дневнике за 1852 год: «Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рожден не для того, чтобы быть таким, как все»⁴. Не прощая себе

³ Полное собр. соч. и инсем А. П. Чехова, т. XIII, ГИХЛ, М., 1948, стр. 368. В дальнейшем ссылки на данное издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ Л. Н. Толстой. Указ. собр. соч., т. 46, стр. 102.

ни одного недостатка, оступаясь и вновь поднимаясь на прежнюю высоту, Толстой, продолжая примеривать себя к другим людям, не может смирить своей гордости: «Ни одного человека еще не встречал, который бы морально был так хорош, как я, который бы верил тому, что не помню в жизни случая, в котором бы я не увлекся добром, не готов был пожертвовать для него всем»⁵.

Чехов, сознавая в себе талант и ревниво оберегая свой внутренний мир, предполагал талант в каждом человеке. Он не ставит перед собой в молодые годы неисполнимых задач, по крайней мере, не говорит о них в письмах, учится медицине, чтобы лечить людей, как все врачи.

В письме к И. Л. Щеглову: «...по части нравственности я ни плюсами, ни минусами не выделяюсь из ряда обыкновенного. Ни подвигов, ни подлостей — такой же, как большинство» [XV, 42]. В писательских своих правилах Чехов, напротив, советует быть оригинальным и бежать от шаблона. В целом выясняется такая тенденция: в жизни быть похожим на всех обыкновенных людей, а в творчестве не быть похожим ни на кого. Он не боится казаться «банальным» в соблюдении этических правил, принятых большинством людей, и старается быть оригинальным как писатель, прокладывающий новые пути.

Чехов не делит правила на «основные» и «временные», в письме к Щеглову он отказывается признавать некую «высшую» нравственность, свойственную будто бы одной интеллигенции. Такая «высшая» нравственность предполагает существование «низшей» нравственности — для необразованных классов. «Понять, что Вы имеете в виду какую-либо мудренную, высшую нравственность, я не могу, так как нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа и которая теперь мне, Вам и Баранцевичу мешает красть, оскорблять, лгать и проч.» [XV, 41].

Перед нами ключевая мысль этики Чехова. Здесь Чехов стоит на голову выше всех современных ему философов-этиков. Он не делит этику на несколько сортов и отрицает в принципе идею надчеловеческой или сверхчеловеческой этики. Никому не дозволено в общественном бытии возвышать себя над «толпой» и своеволие выдавать за свободу воли. Все должны придерживаться одинаковых норм, иначе общество распадется и люди перестанут понимать друг друга. Чехов здесь в привычной для него манере изложения демонстрирует единственно научное понимание общечеловеческого характера этики⁶.

⁵ Там же, стр. 191.

⁶ Диалектике частного и общего, проблемам общечеловеческого характера морали уделяется внимание в работах: «Актуальные проблемы марксистской этики». Сборник статей, изд. Тбилисского госуд. университета. Тбилиси, 1967; В. П. Тугаринов. Личность и общество. «Мысль», М., 1965.

Чехов не открывает нового закона этики, а лишь настаивает на соблюдении уже созданного человечеством в процессе трудовой практики.

В этом смысле чеховская мысль о принадлежности его к «обыкновенным» людям, которые придерживаются «обыкновенной» нравственности, возвышает нравственность, дает ей диалектическую окраску: обыкновенное становится подчинно возвышенным, как принадлежащее человечеству, выработанное им, и здесь нет ни тени ложной скромности, здесь выражена гордость принадлежностью к великой семье человечества. «Сверхчеловеческая» же мораль снижается, и одиночки, которым «все позволено», оказываются в стороне от столбовой дороги человеческой истории.

Далее Чехов в прерванной нами цитате, переводя рассуждение из общего плана в частный, в юмористически личной трактовке, нисколько не мешающей серьезности и важности обсуждаемой этической проблемы, говорит о своей приверженности к простым нравственным нормам, исполнение которых он, как человек, считал своим долгом. «Я же во всю мою жизнь, если верить покою своей совести, ни словом, ни делом, ни помышлением, ни в рассказах, ни в водевилях не пожелал жены ближнего моего, ни раба его, ни вола его, ни всякого скота его, не крал, не лицемерил, не льстил сильным и не искал у них, не шантажировал и не жил на содержании» [XV, 41—42].

В цитате нетрудно опознать своеобразное переложение известных по книге Моисея заповедей, вошедших в человеческий обиход: «не кради», «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего», «не желай дома ближнего своего», «не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего»⁷.

Во многих случаях Чехов в своих собственных «поучениях» прибегает к нравоучительным цитатам из книги «Бытие» и других книг священного писания: «и по-людски в поте лица есть свой хлеб» [XIV, 166]; «Если бы Иисус Христос был радикальнее и сказал: «Люби врага, как самого себя», то он сказал бы не то, что хотел. Ближний — понятие общее, а враг — частность. Беда ведь не в том, что мы ненавидим врагов, которых у нас мало, а в том, что недостаточно любим ближних, которых у нас много, хоть пруд пруди» [XIV, 199]; перед поездкой на Сахалин помощь больным и заключенным писатель рассматривал как «самую главную заповедь христианской цивилизации» [XV, 30]; благодарность родителям со стороны детей Чехов иллюстрирует легендой о сыновьях Ноя [XV, 243]; «благодетели хотят пятью хлебами пять тысяч насытить — по-евангельски» [XV, 308] и так далее.

Письмо к И. Л. Щеглову, весьма важное для понимания нравственного кодекса Чехова, написано после известных чеховских писем о ма-

⁷ «Библия», изд. Всесоюзного совета евангельских христианских баптистов, М., 1957, стр. 79.

териализме (в связи с романом П. Бурже «Ученик»), где доказывается, что естественник и религия несовместимы, что религия всегда воевала против науки. Письма о Бурже вполне выявляют мировоззрение Чехова, давно и прочно вставшего на почву материализма и убежденного атеизма.

Как же в таком случае примирить атеизм с заповедями из Ветхого завета? Обратим еще раз внимание на слова из цитированного письма к Щеглову: «нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа». Вчитаемся в эти строки, — получается по смыслу нечто прямо противоположное основной религиозной догме: не Христос дал нравственность человечеству, а человечество создало нравственность. В своем стремлении к постоянному нравственному совершенству человек создал совершенную нравственность, воплощенную фантазией в божественном человеке. Л. Фейербах ту же мысль выразил в словах: «Бог есть обособленная, выделенная, субъективная, своеобразная сущность человека, поэтому все добрые поступки человека исходят не от него, а от бога»⁸.

В письме к Щеглову Чехов подчеркивает лишь мысль относительно общечеловеческой сущности нравственности. Эта мысль подтверждается современными исследованиями о соотношении морали и религии в истории человечества.

Мораль старше религии и одна из самых древних форм общественного сознания: «Мораль значительно старше политической идеологии, права, философии — этих детищ классового общества. Она, несомненно, старше религии и науки, и только некоторые элементы искусства (пещерная живопись, первобытная музыка и танцы) могут соперничать с моралью древностью происхождения»⁹.

Возникшие на заре человечества простые нормы нравственности, отраженные в древнейших памятниках народного творчества, перешли из устной формы развития в трудовых общинах в составлявшиеся на протяжении длительного времени христианские книги, отразившие противоречивый характер религиозной идеологии: надежды бедных и их бессилие против богатых.

Включая в очищенном и освобожденном от схематики и догматизма виде некоторые простые нормы-заповеди в свой нравственный кодекс, Чехов, при этом, ничего не заимствует от религии и он ничем ей не обязан, поскольку религия присвоила себе то, что принадлежит народу.

Общечеловеческий нравственный кодекс Чехова оказывается в то же время и последовательно демократическим. Опираясь на простые нор-

⁸ Л. Фейербах. Сущность христианства. «Мысль», М., 1965, стр. 61.

⁹ Н. И. Губанов. Моральный кодекс и религиозные нравоучения. «Знание», М., 1965, стр. 7.

мы нравственности, Чехов и развивает свой нравственный кодекс, частично выраженный в письме к Н. П. Чехову. Нормативное изложение этого письма, естественно, не передает его художественной струнки, оттенков иронии и сердечности.

Глубокая и истинная человечность лежит в основе его. Первый и основной принцип кодекса «воспитанных» — уважение к человеческой личности. «Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять след[ующим] условиям: 1) они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы. . .» [XIII, 196].

Из принципа уважения к человеку выводятся и частные правила общественного поведения: деликатность и вежливость — такова логика этической мысли Чехова, диалектика общего и частного в нравственном кодексе. Без осознания ценности человеческой личности нельзя быть ни последовательно вежливым, ни по-настоящему деликатным. Человек, не проникшийся такой мыслью, будет вечно колебаться между грубостью к одним и слащавой предупредительностью к другим, не зная истинной меры ни в доброте, ни в злобе.

Чехов во многих письмах развивает понятие меры и равномерности в обращении с людьми независимо от их положения, возраста, от условий их жизни и настроения. Он советует сохранять постоянство и быть всегда собой, всегда ровным и одинаковым, вежливым не только в обществе, но и дома, предупредительным не только к чужим, но и к своим, к нижестоящим и зависимым еще более внимательным и участливым, чем к богатым и тем, от кого зависишь.

Из Мелихова Чехов, рассказывая о своем отношении к крестьянам, писал: «Я всем, кроме детей, говорю **вы**, никогда не кричу» [XVIII, 106]. Множество людей прошло через жизнь Чехова, и вся история его отношений к людям — свидетельство его необыкновенной чуткости, внимательности, предупредительности, готовности помочь не только советом, но и делом. Если, при этом, писатель кому-то казался «холодным», то это объясняется одной особенностью нравственного характера Чехова: сострадание к людям он выражал делом; если не мог помочь на деле — не разливался рекою слов и потоком обещаний. Его любовь к людям была активной, деловой, разумной и расчетливой без тени корысти.

Все, что делалось им для людей, делалось из чувства долга, без жалоб на докучливых, без одолжений и сентиментальных украшений, без рисовки и позы, по трезвому и спокойному размышлению, из сознательного понимания необходимости каждого человеческого существования. Первый принцип нравственности Чехова выступает в такой логической последовательности: уважение к человеческой личности — долг перед человеком — обязанности человека перед человеком.

Второе правило кодекса воспитанных — сострадание к человеку. Оно выражается в человеколюбии, в умении волноваться тем, что волнует людей и человечество, быть внимательным к душевным движениям ближнего, делить с человеком его боль и радость. Всегда и насколько возможно делать людям добро и никогда и ни при каких обстоятельствах не делать зла — таков главный смысл второго правила нравственного кодекса Чехова. Воспитанные люди, говорит писатель, «болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом» [XIII, 196].

В данном правиле проявляется принцип солидарности людей. В совместной борьбе с природой и социальным злом неизбежны и человеческие страдания, а следовательно, из этического словаря нельзя вычеркивать и правило сострадания, внимания, заботы о человеке. Воспитанный человек должен быть благородным, а благородный человек не может не быть благодарным. Без чувства благодарности не было бы ни сознания коллектива, ни понимания долга.

Третье основное правило кодекса воспитанных: честность, правдивость во всем — в словах и в делах. Это одно из главных, определяющих и решающих правил этики Чехова. Оно сформулировано с предельной ясностью и четкостью: воспитанные люди... «чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего» [XIII, 197]. Правдивость и честность — мерил ценности человека и нравственной стоимости его поступков. Справедливость — постоянный девиз Чехова. Жить справедливо, значит сделать совесть единственным судьей своих поступков и прислушиваться к велению ее как к обязательному нравственному правилу. Живя по совести, оберегая правду и соблюдая справедливость, человек оказывается внутренне свободным, согласуя веления совести с долгом и осознанной необходимостью.

Полагаясь на человека и его совесть, Чехов в теоретическом плане разграничивал два вида права: юридическое и нравственное. «Кроме действующего права,— писал А. П. Чехов,— кроме уложений и юридических определений, существует еще нравственное право, которое всегда идет впереди действующего и определяет наши поступки, именно когда мы хотим действовать по совести: так, по закону дочери полагается одна седьмая часть, Вы же, следуя требованиям чисто нравственного порядка, идете впереди закона и завещаете ей столько же, как и сыновьям, ибо знаете, что, поступив иначе, Вы поступили бы против совести» [XVIII, 331].

Требую гуманного отношения к человеку, Чехов выступал против жестоких приговоров суда. Приговор в каждом отдельном случае должен быть мягким, по возможности, вплоть до оправдательных приговоров, и обязательно справедливым. Требование мягкости он мотиви-

ровал тем, что «оправдание не освобождает подсудимого от суда совести, от суда общественного мнения... подсудимый является на суд уже измученный тюрьмой и следствием, и на суде переживает он мучительное состояние, так что и оправданный не выходит он из суда безнаказанным» [XVIII, 332]. Когда совесть станет судьей человека и в полную силу войдет нравственное право, тогда отпадет необходимость в праве юридическом с его аппаратом принуждения и насилия. Нравственность, возникшая раньше юридического права, переживет его и сохранит свою силу, став единственным регулятором людских отношений.

Четвертое основное правило кодекса воспитанных — человеческое достоинство несовместимо с самоунижением. Воспитанные люди, говорит Чехов, «не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие» [XIII, 197]. В отношениях с людьми, советовал Чехов брату, сохраняя скромность и такт, внутренне необходимо чувствовать себя человеком, равным другим, не раболепствовать и не унижаться, не выставлять напоказ свои язвы и недостатки, держаться с достоинством во всяком обществе и во всех случаях. Самоунижение — признак не скромности, а культурной и умственной ограниченности, не доброты и смирения, а гордыни («Унижение паче гордости»).

Пятое правило направлено против суетности и мелкого тщеславия, его можно в положительном плане сформулировать так: будь скромен, работай в тиши, не выставляй себя напоказ, не хвали себя сам и не жди похвалы от людей, не хвастай знакомствами и расположением знаменитостей, не отвечай на вопросы, которых не задают. Суетность нередко — оборотная сторона самоунижения.

Шестое правило кодекса воспитанных гласит: уважай в себе талант и жертвуй ради него покоем, женщинами, вином, суетой [XIII, 197]. Уважение к таланту есть уважение к человеку, к его уму, способностям и дарованиям. Человек, обладающий способностями в любой области человеческой деятельности, должен, не жалея усилий, максимально их развивать и совершенствовать. Талант — не только творческое право, но и долг перед природой и людьми; кто тратит талант попусту, разменивается на мелочи, тот совершает преступление перед собой и людьми.

Седьмое правило кодекса воспитанных связывает этику с эстетикой, воспитание нравственное с эстетическим. Культурный человек должен воспитать в себе безразличность к пошлому и безобразному в быту и внешней обстановке и культивировать высокие требования к форме быта, к эстетической стороне так называемых «мелочей жизни», из которых, по словам Чехова, складывается жизнь. Воспитанные люди «не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать

дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки» [XIII, 197].

Неупорядоченность стиля жизни брата заставляет А. П. Чехова подробно говорить об отношениях его к людям.

С эстетической мерой воспитанные люди должны подходить и к своим отношениям с женщиной. Во имя красоты человеческой люди должны укрощать в себе животное начало, слепые инстинкты и возвышать духовное, не затемнять свой ум алкоголем, не разрушать свое здоровье — в здоровом теле — здоровый дух. Все хорошее и доброе должно быть изящным и красивым. Внешняя обстановка необыкновенно важна для художника, обязанного нести людям красоту. Он должен быть особенно чуток к быту, если не хочет убить в себе талант.

Самовоспитание приобретается не только знаниями. Образованность часто бывает не в ладу с воспитанностью. В конце письма к Н. П. Чехову писатель подчеркивает, имея в виду и свой опыт, что нравственное воспитание требует огромных усилий, в непрерывности своей приносящих успех. «Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...» [XIII, 198].

Выдержать правила — всегда оставаться верным им было нелегко. Постоянное самообладание дорого ему обходилось. Отдельные нравственные нормы приходили во внутреннее столкновение.

В своем отношении к людям Чехов руководствовался правилом: «лучше быть обиженным, чем обидчиком». Внешняя покорность, молчаливое согласие со всем, что о нем говорилось и писалось, обеспечивали ему внутреннюю независимость, которой Чехов очень дорожил. Он никогда не вступал в печатные объяснения с читателями и критикой, как бы ни понимались и не перетолковывались его произведения, не отвечал своим завистникам и клеветникам, хотя и страдал от зависти и клеветы. Он старался быть выше житейской грязи и пошлости, преследовавших его. В одном из писем к Л. А. Авилевой со всей непосредственностью выражена нравственная чистота Чехова. Отвергая какую-то петербургскую сплетню, пущенную «доброжелателем», Чехов пишет с удивлением: «Я и грязь... Мое достоинство не позволяет мне оправдываться» [XV, 346]. Только однажды он написал письмо с опровержением клеветы рецензента «Русской мысли», обвинявшего его в беспринципности, но и это письмо к издателю журнала осталось неотправленным. В этом драматическом письме содержится нравственная автохарактеристика: «Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был... Я не шантажировал, не писал ни пасквилей, ни доносов, не льстил, не лгал, не оскорблял, короче говоря, у меня есть много рассказов и передовых статей, которые я охотно бы выбросил за негодностью, но нет ни одной такой строчки, за которую мне теперь было бы стыдно» [XV, 52]. Он свято оберегал честь и достоин-

ство русского писателя, защищаясь от грубой жизни одиночеством, хотя всегда стремился к людям. Своей личной жизнью, безукоризненно честной и порядочной, он подтверждал верность слову — делом.

2

В молодости Чехов был отважным моралистом в высоком и благородном значении этого слова. Он проповедовал свой нравственный кодекс при каждом удобном случае: при встречах с людьми, в переписке, в своих ранних произведениях, почти открыто несущих моральную тенденцию, ту «субъективность», которая очень скоро будет осознана как недостаток творческой манеры. Назидательность и «наставительность» Чехова И. А. Бунин считал даже его наследственной чертой и связывал ее с фамильным стремлением к порядку и педантичности¹⁰. Едва ли с этим можно согласиться в смысле наследственности; нравственный же пафос Чехова схвачен Буниным верно и находит подтверждение в автобиографическом признании Чехова-студента, сделанном в 1881 г., в самом начале его писательской карьеры: «Учусь и поучаю» [XIII, 34]. Слова эти могут стать эпиграфом ко всему первому периоду работы Чехова. Смысл своей деятельности в это время Чехов видит в оказании воспитывающего влияния на читателей и на среду, его окружающую. Подобную задачу он ставит и перед художником Николаем Чеховым: поднять себя на моральную высоту, вознестись нравственно, чтобы «воспитывающе влиять на них» (на людей.— М. С.) [XIII, 197].

Почая и наставляя людей, Чехов то и дело в письмах извиняется за советы, но обойтись без них не может — он заинтересован в судьбе каждого человека и не может равнодушно пройти мимо замеченных им изъянов, хотя его и смущает вынужденное вмешательство в жизнь даже близких ему людей, среди его правил независимость и невмешательство в личную жизнь человека — одно из первых. Брату Ал. П. Чехову 4.I.1886 г.: «Не сердись за мораль. Пишу тебе, ибо мне жалко, досадно... Писака ты хороший, можешь заработать вдвое, а ешь дикий мед и акриды... в силу каких-то недоразумений, сидящих у тебя в черепе» [XIII, 158]. Ему же: «Закрываю сию мораль выдержкой из письма от Григоровича...» [XIII, 203]. Писателю Н. А. Хлопову: «Вы, конечно, не рассердитесь на меня за мораль и поймете, что пишу я это, как Ваш поверенный...» [XIV, 42]. Ему же: «Простите за мораль Вашего доброжелателя» [XIV, 55]. А. С. Суворина он просит: «Читайте мне мораль и не извиняйтесь. Ах, если бы Вы знали, как часто в своих письмах я читаю мораль молодым людям» [XIV, 264, А. П. Чехову 28 лет] и т. д.

¹⁰ «Литературное наследство», т. 68, стр. 645 и 648.

Молодой Чехов весь одет в броню правил, поучений и наставлений. Он явно решил опровергнуть пошлое мнение о писателях-разночинцах, как о невоспитанных семинаристах, погибающих от водки и отсутствия нравственной дисциплины; на примере своей жизни Чехов доказал, что смелость Евгения Базарова можно сочетать с утонченностью Павла Кирсанова. «Не боюсь ничего, и родным братьям то же самое советую» [XIII, 34], а, с другой стороны,— явное опасение нарушить хоть одно из многочисленных правил приличия, которыми он себя окружил: «Узнай: прилично ли мне читать публично в пользу литер(атурного) фонда, который собирается выписать меня в Питер для участия в литературном вечере» [XIII, 275].

Нравственная дисциплина его велика и нерушима. На все случаи жизни у него свои правила. Правила и советы: эстетические, бытовые, литературные, гигиенические, особые правила в обращении с женщинами и детьми; как одеваться, вести себя в ресторане и многие другие,— мелочей в поведении человека для него не существует.

При его умении кратко их чеканить — целый свод нравственных афоризмов, этических парадоксов, шуточных и иронических советов, медицинских, братских, писательских, читательских. «Грязная муха может всю стену опачкать, а маленький грязненький поступочек может испортить все дело» [XIII, 54]. Брату Александру (13 мая 1883 года): «Еду на днях в Воскресенск и оттуда пришлю тебе наставление, как кормить, сечь, лечить, предупреждать, что важно, что не важно, когда от грудей отнимать, когда кашу есть можно, каких рецептов докторских пугаться надо и т. д. Все это важно и не берусь сочинять, тщательно не обдумав. Напишу по последним выводам науки...» [XIII, 61]. Ему же: «...будь осторожен в пище и ешь разборчиво. Мясо и хлеб... Воспитай в ней хоть желудочную эстетику. Кстати об эстетике. На ребенка прежде всего действует внешность, а вами чертовски унижена бедная внешняя форма» [XIII, 80, о воспитании маленькой дочери Ал. П. Чехова]. Н. А. Лейкину: «Образование не всегда в ладу с воспитанностью, а литературность тем паче» [XIII, 278] и многие другие.

О Чехове-воспитателе, о Чехове-педагоге можно говорить в нескольких планах. Во-первых, можно напомнить о влиянии на окружающих самой этической личности Чехова.

Своей безупречной совестью и безукоризненной порядочностью он вносил свет и успокоительную силу всюду, где появлялся. Во-вторых, следует сказать о педагогическом эксперименте, поставленном им в семье. В-третьих, о способах и приемах образного воплощения нравственного кодекса воспитанных людей, о тех рассказах, где он обнаруживается более отчетливо и похоже.

Свой воспитательский опыт, для него очень важный и волнующий, Чехов начал скромно, с семьи. Здесь он проверил, может ли каждый

человек проделать над собой то же, что и он, по его примеру: укротить свой природный темперамент и следовать во всем строгим нравственным правилам, однажды намеченным.

В семью он внес принцип справедливости и убеждения, морально-духовного воздействия на человека, исключив раз и навсегда внешнее давление, рассчитанное на страх. Никто из членов семьи не слышал упреков, все почувствовали свою нужность и равенство, каждый мог высказать свое мнение, не боясь быть осмеянным и униженным. Изменился жизненный и психологический тонус семьи Чеховых — из мещанской она стала семьей культурных и воспитанных, растущих людей. Круг интересов расширился: музыкальные вечера, разговоры о книгах, атмосфера живой и остроумной шутки, общество артистической молодежи, душой которого был Чехов.

Особенно заметное воспитательное влияние оказал Чехов на сестру и двух младших братьев, ставших полезными, образованными, воспитанными людьми.

Душевной энергии, потраченной Чеховым на воспитание старших братьев, хватило бы ему на создание многих замечательных произведений. Он щедро тратил ее, считая, что самым лучшим произведением писателя является воспитанный им человек.

Выяснению принципиально-нравственных отношений с братьями (в личном плане между ними были дружба и согласие) посвящены многие письма Чехова. Некоторые из них выходят за рамки узко биографического материала и представляют всеобщий интерес. Взятые в целом, письма Чехова, посвященные проблемам нравственно-эстетического воспитания, могут составить чеховскую «педагогическую энциклопедию».

Нас интересует не биографический аспект темы «Чехов и его братья», многократно освещавшийся в чеховской литературе, а ее воспитательный план с точки зрения приемов и методов подхода к чеховскому с установившимся образом жизни, а также выводы, сделанные Чеховым из неудавшегося воспитательного эксперимента.

Имея дело с художником, с душою тонкой, артистичной и обидчивой, Чехов в своих отношениях с Николаем Павловичем должен был выбирать самые мягкие способы воздействия.

Он воспитывал брата не жалкими, «раскисляющими» словами, а примером, нравственной поддержкой. Николай Чехов был влюблен в свое искусство, и повлиять на него можно было лишь с помощью искусства, возбуждая его фантазию разговорами о его картинах, удачной темой, предложенной художнику, не признававшему нравственной дисциплины. Когда косвенные приемы оказались малоэффективными, Чехов прибегнул к моральной критике Николая Павловича в знаменитом письме (март 1886 г.).

Наблюдения А. П. Чехова над жизнью брата получили своеобразное отражение и в его рассказах и фельетонах о «невоспитанном» таланте, о человеке, который мог и не совершил. До сих пор, говоря о воспитывающем влиянии А. П. Чехова на Николая Чехова, привлекали лишь материал писем. Но проблема воспитания казалась Чехову настолько важной и так трогала его, что диалог с братом он перенес в рассказы, подчеркивая объективную значимость проблемы. Проблема воли и безволия, осмысленная широко, становится, как писал К. Чуковский, магистральной темой, отлитой во многие варианты образа «человека, который хотел», имел замыслы, но у которого не было упорства, чтобы их свершить.

В статье И. Д. Громовой «Художник Н. П. Чехов», отметив совместную работу братьев в иллюстрированных журналах, а также взаимные шаржи друг на друга (в романе «Зелёная коса» и в рисунках Николая с Антоном в качестве типажа; эта игра нравилась тогда молодым художникам, чуждым ложной обидчивости), автор статьи указывает лишь один фельетон Чехова — «Салон де Варьете», где, на фоне многих фигур, схваченных с натуры, мелькает и «художник». В то же время И. Д. Громова делает более широкий вывод: «Антон и Николай Чеховы неоднократно делали друг друга действующими лицами своих произведений, участниками изображаемых ими событий»¹¹.

Критике богемности молодых художников, напоминаниям о долге посвящен фельетон «Осколков московской жизни» за 1883 год, который начинается словами: «Наша маленькая Академия художеств может принять уверения в глубоком уважении. Я говорю об «Училище Живописи, Ваяния и Зодчества». Вслед за высокой оценкой деятельности профессоров Московского художественного училища автор переходит к характеристике его учеников, и ода сменяется сатирой. Названы фамилии друзей Н. П. Чехова, молодых художников Эллерта, Янова, Левитана (скорее Адольфа, чем Исаака). До сих пор этот фельетон не соотносили с Н. П. Чеховым, хотя в нем прямо названа картина его кисти. «Недавно кричали про авторов Мессалин, Днепровских порогов и проч [ее], а где теперь эти авторы?» [II, 364]. В книге «Вокруг Чехова» М. П. Чехов вспоминает: «Когда Николай затевал какую-нибудь большую картину, например, «Гулянье в Сокольниках» или «Мессалину», то Дюковский давал ему приют у себя в корпусе, и картины брата на мольбертах занимали всю его комнату»¹². В фельетоне А. П. Чехова говорится, что ученики училища не доводят до конца своих замыслов, «не ладят с науками», «любят грешным делом шнапс-тринкен. . .

¹¹ Сборник статей и материалов «А. П. Чехов». Вып. III, Ростов, 1963, стр. 257—258.

¹² М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Издат. «Московский рабочий», М., 1960, стр. 87.

по анатомии не идут дальше затылочной кости... вообще милые люди» [II, 364].

Письма к Н. П. Чехову и о нем, а также названный фельетон, помогают понять круг идей и тем, подсказавших рассказ «Талант». Он написан в сентябре 1886 года, через полгода после письма к Н. П. Чехову о «воспитанных людях» и правилах, по которым они должны жить. В рассказе упоминается начатая и неоконченная кейфующим художником Егором Саввичем жанровая картина: «— Вот... «Девушка у окна после разлуки со своим женихом...» — говорит он. — В три сеанса. Далеко еще не кончена» [V, 138]. В 1882 г. Н. П. Чехов поместил в журнале «Москва» несколько зарисовок на подобную тему, в том числе рисунок «После свидания» к роману брата «Зеленая коса».

В рассказе осуждается неэстетический быт художника, его слабости и недостатки, мешающие ему работать, несмотря на бесспорный талант. «Кровать, стулья, столы, пол — все завалено подушками, скомканными одеялами, корзинами. В комнате не подметено, со стен содраны ситцевые занавески» [V, 135]. Художник много обещает, мало делает и еще меньше читает, пробовал взяться за Гоголя и — уснул за ним (в письме к Н. П. Чехову фигурирует Тургенев). Такова и вся компания молодых художников, собравшаяся у Егора Саввича, кроме пейзажиста, оживленного, энергичного, только что приехавшего с этюдов. Особенно выделяется начинающий и подающий надежды «исторический живописец Костылёв, который не знает, хочется ли ему рисовать Нерона или Прода, знает, что хочется, а что — не знает».

Есть у Левитана картина «Осенний день. Сокольники». В перспективе осеннего грустного парка виднеется вддали одинокая фигура тонкой, изящной женщины. Ее вписал в пейзаж Левитана Николай Чехов. Через некоторое время он и сам представил картину на ту же тему — «Гулянье в Сокольниках», где небо выписано Левитаном. Работу художников как бы продолжил А. П. Чехов. Он написал рассказ «На гулянье в Сокольниках». Картина получилась трагикомической. Вместо воздушной женщины по аллее идет неверной походкой художник, не владеющий собой. Он выглядит жалким, растерянным ребенком, одиноким среди карусели гуляющих.

Парадокс жизни Николая Чехова состоял в том, что его погубила чрезмерная доброта, которой был наделен человек с ослабленной волей, «тряпичным» характером. Талант оказался беззащитным перед мелочами жизни, художник не сумел овладеть собой, стал жертвой среды и своих инстинктов, своей чувственной природы.

Нравственный кодекс становится темой некоторых других рассказов раннего Чехова, субъективно окрашенных при всей их внешней объективности и безотносительности к его биографии.

Еще в 1883 году в письме к Канаеву от 26 марта Чехов, развивая идею своих ранних театральных рецензий, выражал удивление невоспитанностью актеров, мешающей превратить театр в школу для зрителей. За три года до письма к Н. П. Чехову ставился вопрос о роли воспитанности в жизни художников: «Мы пришли,— напоминает Чехов Канаеву,— к соглашению, что у наших г. г. актеров все есть, но не хватает одного только: воспитанности, интеллигентности, или, если позволите так выразиться, джентльменства в хорошем смысле этого слова. Минутная пьянство, юнкерство, бесшабашное пренебрежение делом, скверное заискивание популярности, мы остановились с Вами на этом отсутствии внутреннего джентльменства» [XIII, 54—55].

Быту и нравам актеров посвящен целиком первый маленький сборник рассказов «Сказки Мельпомены» (1884). Он состоит из шести рассказов, составляющих цикл, объединенный идеей «воспитанного» таланта. С высоты сложившегося у писателя представления о человеке и художнике критикуются в рассказах теневые стороны актерского быта.

Разлад между талантом человека и его нравственностью, поведением актера на сцене и в жизни — на этом построена типологическая характеристика певицы и ее мужа в рассказе «Он и Она». Подмостки сцены — та высота, на которую занесла певицу с «соловиным» голосом ее одаренность. Когда она поет, ее глаза «наполняются блеском и страстью» [I, 365]. Тогда муж готов простить ей все свои обиды: «Я все забываю, что было раньше, и живу одним только настоящим» [Там же]. Затем писатель приоткрывает закулисную жизнь актрисы, и перед нами — полное отклонение жизни от нормы, эстетика расходится с бытом. Зрители, очарованные пением своей богини, могут сказать, что это — «сказки Мельпомены». У актрисы, оказывается, двойная жизнь. «На сцене она менее всего напоминает себя» [I, 361]. В своей стихии она — в распушенном, неряшливом и грязном быту. В несколько утрированной ранней манере письма, но лишеной фельетонности, автор прямо по пунктам перечисляет ее недостатки, ее пороки. «Она пьет». «Она невежлива». «Она любит рекламу». «Полное отсутствие сознания собственного достоинства!». «Она умна, но ум ее невоспитан». «Она капризна, непостоянна, не имеет ни одного прочного убеждения» [I, 364—365].

Напомним, что среди простых норм нравственности, изложенных в письме к Н. Чехову, говорится о внутренней и внешней культуре человека. Сходство между рассказом и письмом обозначается вполне наглядно. Некоторые же различия в форме изложения объясняются разницей жанров и большей зрелостью письма, написанного спустя три года после рассказа.

Чехов присутствует в рассказе не только своим горячим несогласием с унижающей человека нравственной распушенностью. Здесь выражен

и главный его положительный принцип — абсолютная правдивость. При всех своих недостатках, он, муж певички, обладает одним качеством, особенно ценным писателем в людях, — прямоотой и правдивостью. «Когда кто-нибудь (кто бы то ни было) скажет ложь, он поднимает голову и, не глядя ни на что, не смущаясь, говорит: — Неправда!» [I, 367]. Умение сказать правду в глаза приравнивается в рассказе к мужеству («он не трус и не боится людей»).

Тема «нравственного таланта» углубляется в другом рассказе цикла — «Два скандала» (1882). Рассказ написан в резкой манере, указывающей на страстное, неравнодушное отношение к проблеме. Всем строем рассказа, его финалом читатель приводится к важной для автора мысли: не воспитав в себе человека, художник изменяет себе, своему призванию.

В композиции рассказа события распределяются таким образом, что обидчик сам оказывается обиженным и наказанным за свою невнимательность к любящей его певичке. «Я не дирижер», — говорит он в рассказе. Рассказчик его поправляет, и в этой поправке — суть дела. Он — дирижер, и дирижер талантливый. Но он — невоспитанный человек, и такова актерская среда, его окружающая.

В более поздних рассказах, овладев мастерством, Чехов отказывается от субъективной манеры прямолинейного внесения в них своего нравственного кодекса и ищет более сложные пути выявления этического начала в творчестве. Будучи человеком той же эпохи, что и его герои, Чехов не мог не выразить в объективных образах людей своего времени собственное представление о человеке, его назначении и обязанностях. Среди многочисленных персонажей рассказов и пьес — всего их около тысячи — население небольшого городка — выделяются своей повышенной требовательностью к жизни **люди чеховского нравственного склада**.

Их отличают нравственная тревога и большая человечность. Неутомимое искание истины. Горячая защита науки и просвещения. Культ прекрасного. Поэзия русской природы, ее лесов, полей, любовь и внимание ко всему живому и сущему. Недовольство настоящим и трепетная мечта о будущем. Вера в труд как основу прогресса. Дар проникновения в жизнь, строгая логика, связывающая разрозненные явления в единое целое. Отвращение к сытому довольству, к равнодушию, самозащитности и розовому оптимизму. В жизни, где все разъединяет, — поиски того, что соединяет людей. Эти люди — не святые и не ангелы, жизнь их не обходится без грехов и ошибок, но даже в недостатках своих они выше усредненного человека, обывателя и мещанина, ведущего размеренную и духовно нищую жизнь.

Для характеристики людей чеховского нравственного склада возьмем не таких известных героев, как Дымов, Астров, Вершинин или Ту-

зенбах, а скромного и незаметного врача Овчинникова из рассказа «Неприятность». Рассказ этот — одна из первых зарисовок «неравнодушного» человека, вступающего в открытый, неприглушенный нравственно-социальный конфликт с пошлой средой, воплощенной в образе пьяного фельдшера, доносчика и негодяя, запустившего из-за своих привычек больных. Фельдшер давно заслужил, чтобы его прогнали. Овчинников медлил из деликатности, жалея его семью, не желая лишать человека куска хлеба. Злоба против фельдшера накапливалась постепенно и внезапно вылилась. В гневе доктор Овчинников ударил фельдшера за то, что тот явился пьяным на обход. В стране, где розги для крестьян и мещан были узаконены, где ежедневно гнали сквозь строй, засекали и ссылали людей, история о том, как начальник «маленько» проучил подчиненного, могла казаться мелочью. У Чехова, с его обостренным чувством человеческого достоинства, с его эстетикой «мелочей», обыденный факт вырастает в жгучую нравственную проблему, не дающую покоя виновному. Оказав неуважение человеку, Овчинников, деликатный по натуре, ни разу в своей жизни не бивший (это подчеркнуто в рассказе трижды) даже собаки, подвергает себя беспощадному суду совести, **настаивает**, чтобы фельдшер подал на него в суд за оскорбление. Перестав на одно мгновение уважать другого, он перестал и себя уважать. Ему кажется, что он воспользовался законом джунглей, правом сильного, подал плохой пример окружающим. Эта работа совести и неумолимый анализ, нежелание компромисса очень своеобразно выделяют героя. Чтобы так переживать случившееся, нужно быть человеком чеховского нравственного склада, неожиданно сорвавшегося с нравственной высоты, на которой он находился всю жизнь. (В первопечатном тексте сказано, что Овчинников собирался писать историю медицины в России — труд, над которым работал и Чехов в первый год после окончания университета.)

Чехов создает своеобразный нравственный климат, атмосферу воспитанности и деликатности. Таким образом ставятся в определенные рамки герои и воспитываются читатели, не нравственными поучениями, а нравственно-эстетической дисциплиной, присутствующей в рассказах.

Его интеллигенты, лучшие из них, отличаются внутренним джентльменством, какой-то утонченной деликатностью. Они вдумчиво говорят и внимательно слушают, его разночинцы — врачи, судебные следователи, учителя, студенты.

Достаточно вспомнить, как ведет себя в весьма щекотливом положении Огнев. Не любя и не зная, что ответить на любовь милой и умной девушки, Огнев краснеет и переживает вместе с ней, как будто заставил ее первой объясниться в любви к нему или кровно обидел девушку. Ничего онегинского нет в этой ситуации. Огнев — хороший человек в чеховском понимании этого слова. Поэтому и все люди кажутся

ему хорошими, и он удивляется, как много на свете хороших людей, не замечая, по свойству своей природы, как много, в то же время, и плохих («Верочка»).

Подгорин («У знакомых») действует в не совсем схожей ситуации, но и его отличает внутренняя деликатность, в нем живут как бы два человека. В суде, где он выступает адвокатом, ему приходится заниматься грубыми делами, быть прямым и резким. Вне службы он совершенно меняется, «около близких или давно знакомых ему людей обнаруживал необыкновенную деликатность, был застенчив и чувствителен и не умел говорить прямо. Достаточно было одной слезы, косо-го взгляда или некрасивого жеста, как он весь сжимался и терял волю» [IX, 458]. Правдолюб, Подгорин иногда не решается сказать правды, чтобы не обидеть человека. Стесненный в деньгах, не может отказать прокутившемуся дворянину, хотя знает, что его деньги уйдут туда же, куда ушло все состояние помещика.

В зрелых рассказах Чехова, в его пьесах персонажи теряют установленные предшествующей литературной традицией амплуа. Его офицеры мало напоминают воспетых Д. Давыдовым гусаров, прожигающих жизнь в кутежах. Его офицер Рябович млет от случайного поцелуя, переживает его, как кисейная барышня, и, вместо кутежей, читает либеральный журнал «Вестник Европы» («Поцелуй»). Подполковник Вершинин не столько артиллерийский офицер, сколько философ, мечтающий о будущем человечества. Купец не обязательно должен быть грубым и пьяным ёрником. Он может выйти на сцену «с книгой в руке», как это делает Лопухин. Алексей Лаптев, сын купца и наследник миллионов, тихо и нежно любит Юлию Сергеевну и мечтает о любви не за деньги, а по чувству, являясь разительным контрастом бурному Рогожину, действующему по принципу «за все заплачу». Внесение в рассказы культуры чувств, этического благородства культивировало в читателях высокие качества нравственно воспитанных людей.

Изучение нравственного кодекса Чехова представляет интерес в нескольких планах. Оно показывает глубокую связь между этической личностью Чехова и его творчеством и дает возможность проникнуть в произведения Чехова с той стороны, которую он ревниво охранял, — со стороны субъективной. Чуждое дидактики и морализирования, творчество Чехова в глубине своей образности заключает этическое начало. Воспитав в себе человека, Чехов стремился воспитать человека в читателе.

A. ČECHOVO MORALINIS KODEKSAS

M. SMOLKINAS

Re z i u m ė

A. Čechovo dorovinio kodekso analizė yra įdomi daugeliu atžvilgių. Ji atskleidžia glaudų ryšį tarp etinės rašytojo asmenybės ir jo kūrybos. Ji leidžia mums įsigilinti į A. Čechovo kūrinį iš subjektyviosios pusės, kurią taip slėpė nuo pašalinės akies pats autorius. A. Čechovo kūrybai sveti- ma didaktika ir moralizavimas. Jos meniškumą apsprendžia gilūs esteti- niai pradmenys. Straipsnyje parodoma A. Čechovo dorovinio kodekso ge- nezė, atskleidžiamas kiekvienos to kodekso taisyklės turinys. Savo žmogiš- kąsias vertybes A. Čechovas stengiasi ugdyti ir skaitytojo asmenybėje. Savo pedagoginį eksperimentą jis pradeda kukliai, šeimos ratelyje, o paskui perkelia jį į skaitytojų auditoriją. Palyginus L. Tolstojaus ir A. Čechovo gyvenimo taisykles, išryškėja ne tik tai bendri abiejų rašytojų bruožai, siekiant moralinio tyrumo ir tobulumo, bet ir nemaži skirtumai: L. Tolsto- jus buvo už dorovinį maksimalizmą, o A. Čechovas — už paprastos dorovės normas ir bendrą dorovinį įstatymą visiems žmonėms.

Straipsnyje glaustai išdėstytas monografijos „A. Čechovo gyvenimo ir kūrybos estetiški pradmenys“ vieno skyriaus turinys.

CHEKHOV'S MORAL CODE

M. SMOLKIN

S u m m a r y

The study of Chekhov's moral code is interesting in many respects. It shows the deep connection between Chekhov's ethical personality and his works and gives the opportunity of penetrating into Chekhov's writings from the point of view of his individuality, which he was very anxious about. Free from didactics and moralization Chekhov's creative work in the profundity of its imagery contains the profound ethical principles. The article covers the genesis of Chekhov's moral code and reveals the essence of any single principle. Having brought up a personality of himself Chekhov wanted to bring up his reader as a man too.

He begins his pedagogical experiment in his family, extending it to the audience of his readers.

When comparing Tolstoy's and Chekhov's principles of life one not only discovers the likeness in their aspiration for moral height and purity, but the distinction between the moral maximalism of Tolstoy and Chekhov's simple principles of morality as well.

Chekhov considered the moral code to be common for the whole of mankind.